

■ ■ ■ Симуляции коммуникативного в экранной культуре

Григорьев С.Л.

Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева, Москва, Российская Федерация.

Аннотация. В статье поставлена проблема трансформации природы коммуникативного в контексте виртуализации и цифровизации всех сфер культуры. Исследование построено в виде комментированного диалога с авторами книги «Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества» Д. Нортон, Д. Уоллисом, Б. Вайнгастром. Сопоставляются типы коммуникаций в традиционном обществе, обществе открытого типа и в экранной культуре (в ситуации экспансии виртуального). Противоречие («речь против речи») рассматривается в качестве переходного этапа от борьбы и конфликта к экранной симуляции коммуникации. Виртуализация коммуникативного рассматривается авторами статьи с критической точки зрения, поэтому делаются выводы о личностной деградации современного коммуниканта – аборигена цифровых джунглей. Подобный опыт исключает возможность гармонизирующего диалога как процесса согласования противоречий по одной простой причине. Если речевая собственность оказывается принадлежностью исключительно личности, то тотальная безличность, провозглашаемая Д. Нортон, Д. Уоллисом, и Б. Вайнгастром, может поддерживаться только за счет реализуемого посредством команд насилия. Таким образом коммуникативное взаимодействие с неизбежностью вырождается до коммуникативного воздействия, которое изначально выстраивается на неравенстве партнеров.

Ключевые слова: коммуникация, симуляция, виртуализация, экранная культура

Для цитирования: Григорьев С.Л. Симуляции коммуникативного в экранной культуре // Коммуникология. 2022. Том 10. № 1. С. 120-128. DOI 10.21453/2311-3065-2022-10-1-120-128.

Сведения об авторе: Сергей Леонидович Григорьев – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева. Адрес: 127434, Россия, г. Москва, ул. Тимирязевская, 49. E-mail: grigoryevdiss@gmail.com.

Статья поступила в редакцию: 11.02.2022. *Принята к печати:* 10.03.2022.

В 2017 году мировая общественность отмечала знаменательную дату – двухсотлетие со дня рождения Карла Маркса, чья личность подчас приравнивается к личностям религиозных пророков по тому воздействию, которое оказала и продолжает оказывать на человечество его идеология. Оставляя в стороне вопрос о неоднозначности той роли, которую немецкий мыслитель сыграл в судьбе России, обратим внимание на следующий момент. Независимо от того, считают ли учение Маркса звучащим в унисон с современной социокультурной ситуацией

или же, напротив, диссонирующим с нашим настоящим, и его апологеты, и неприятели с завидным постоянством демонстрируют приверженность одному из главных для теории марксизма понятий (классовая борьба).

Думается, что сегодня данный концепт оказывается в числе кардинально устаревших, так как борьба с неизбежностью предполагает такой результат, при котором одна из сторон будет победившей, другая – побежденной. Даже тогда, когда в работах современных социологов в лице Маслоу и его учеников на смену классовой борьбе приходит групповой конфликт, ситуация не меняется в лучшую сторону, поскольку разрабатываемые в сфере конфликтологии механизмы их преодоления не исключают компромисса, за которым стоит только одно: желание одержать верх. Столь же непродуктивным в данном контексте видится и термин «конкуренция», который также скрывает в себе установку на удержание неперменного приоритета.

Вытеснение борьбы противоречием

Выскажем предположение, что сегодня единственно приемлемыми для оценки опыта взаимодействия между отстаивающими свои интересы общностями, минимизирующими неизбежную агрессию, которая инициирует борьбу, конфликт или конкуренцию, будут отношения противоречия (одна речь против другой речи). В качестве аргументов, обуславливающих правомерность представленной позиции, назовем следующие моменты:

- 1) установка на противоречие предполагает, что ничто иное, как речь выступает главным «оружием» в решении самых разных проблем современности;
- 2) установка на противоречие имплицитно содержит в себе установку на коммуникацию как опыт по согласованию противоречий, результативность которого опознается в гармонизации межличностных отношений;
- 3) будучи прерогативой речевого поступка, опыт по согласованию противоречий исключает какие-либо другие поступки, в том числе, конкретные действия (контрдействия) или меры (контрмеры) до того, как процесс гармонизации межличностных отношений не будет завершен.

Поскольку действенное для устранения противоречия «оружие» – это речевая собственность включенных в межличностное пространство партнеров, необходимо осознавать кардинальное отличие коммуникации как опыта по согласованию противоречий, способствующего гармонизации межличностных отношений, от ее симуляции. Имеется в виду противоположное живому человеческому общению как *взаимодействию* субъектов, способных отдавать себе отчет в «неразрывности *меня и другого*» [Пешков: 8], однонаправленное *воздействие*, которым так грешат средства массовой коммуникации.

В целом суть обозначенного отличия обусловлена такой коммуникативной ситуацией, в рамках которой активность отправителя уравнивается пассивностью получателя [Каган: 145-150]. Другими словами, если коммуникативное воздействие не обязательно предполагает ответ, то опыт по согласованию про-

тиворечий требует признания необходимости соблюдать определенное речевое поведение. Имеется в виду имманентное искомому опыту равноправие сторон, в рамках которого:

- слушающий становится говорящим и наоборот;
- как говорящий, так и слушающий рассуждают на одну и ту же, объединяющую усилия обоих акторов, тему;
- и говорящий, и слушающий действуют в соответствии с неизменными для поддержания эффективности межличностной коммуникации смысловыми правилами [Volkova et al. 2020b].

Суть обозначенных правил просматривается в самом характере межличностной коммуникации, обуславливающей согласование противоречий, вследствие чего межличностная коммуникация предстает не столько актом говорения, сколько речевым поступком. Имеется в виду единство внутреннего и внешнего, знания и ценности, рационального и иррационального. Значимость искомого правила видится в следующем: отмеченное единство предполагает осознанное намерение со стороны участников межличностного взаимодействия не столько убедить другого в своей правоте, ссылаясь на всевозможные авторитеты, сколько бескорыстно искать истину, обретение которой обеспечивает каждой из сторон неизменный выигрыш.

Интересно, что подобная практика наиболее полно была востребована в атмосфере, которая складывалась в Афинах на фоне Пелопонесской войны. Погружаясь в это время, которое было отмечено в том числе и невероятным по своей мощи расцветом эллинизма, нельзя не признать, что финал этой прекрасной эпохи проходил под знаком тотальной лжи, цинизма и отсутствия принципов, что в целом привело к деморализации социальных отношений, «ибо деморализовано всякое общество, потерявшее единство своих нравственных убеждений и растерянно хватающееся то за одно, то за другое...» [Виндельбанд: 125]. Знаменательно, что именно в это время Сократ в своих диалогах пытается выявить в словах некое основание, обеспечивающее движение разобщённых по разным причинам людей навстречу друг другу. В. Виндельбанд называет такое основание нравственным разумом. Российский лингвист И.В. Арнольд связывает его поиск с обретением «уважения к своим корням и, как следствие, обретением совести и способности думать и чувствовать» [Арнольд: 383] Таким образом, коммуникативное взаимодействие как нельзя более отвечает установке на единение россиян, вне которого коммуникативное взаимодействие вырождается до воздействия, реализуемого посредством одностороннего акта говорения [Шаховский; Волкова: 48].

Возможная инверсия тем более губительна, что именно сегодня отсутствие единства цели и задач в обществе в ситуации беспринципности и откровенного надувательства приводят к очевидному дефициту порядочности, профессиональной этики и чистоты помыслов [Харсеева: 19]. Значимость последних не вызывает сомнения на том основании, что «духовное возрождение людей –

более надежное средство спасения, чем десятки программ по выходу из кризиса и множество проектов Конституции» [Арнольд: 383].

Виртуализация, цифровизация, симуляция

В силу того, что обозначенный опыт предстает в современной социокультурной ситуации «как радикально другая для нас система мышления» [Махлин: 3], межличностная коммуникация, инициирующая согласование противоречий, может рассматриваться в качестве точки отсчета, с которой каждый из нас может начинать «перезагрузку» собственного сознания как предшествующий реформации общества акт. Принимая во внимание тот факт, что неизбежность последней связана с тотальной цифровизацией и, как следствие, виртуализацией отношений, прежде называемых межличностными, очевидно: формирующееся под знаком цифры будущее россиян будет кардинально отличаться от того настоящего, свидетелями которого мы являемся. При этом возможный сценарий такого будущего уже существует, и его авторы не являются писателями-фантастами.

Виртуализация сущего и бытийствующего современного человека является процессом вытеснения модуса «здесь» модусом «сейчас», то есть хронотоп культуры становится чистым хроносом. Это, на наш взгляд, болезненная точка парадокса: человек сегодня нацелен на успех, комфорт, материальное благополучие, но при этом все мощнее и быстрее втягивается в виртуальность, где все перечисленные материальные блага мгновенно заменяются симулякрами. Таким образом, человек снова распят и разорван между агрессивной процедурой материального потребления и ускоряющимся потоком виртуализации, что и становится новым модусом единства природы и духа в человеке [Volkova et al. 2020a: 203].

Группа зарубежных ученых, которые предлагают авторскую концепцию социального порядка в условиях перехода от естественного государства к государству открытого типа, неизбежного в условиях глобализации, рассматривают переход от борьбы к противоречию с социологической точки зрения. На первый взгляд, то обстоятельство, что отстаиваемые коллективом авторов правила, сдерживающие акты противоправного поведения со стороны граждан, задают институты, призванные осуществлять социальный контроль путем «установления наказаний за использование насилия» [Норт и др.: 61], свидетельствует о том, что всякое новое – это хорошо забытое старое. Однако ошибочность подобного мнения становится очевидной при обращении к следующим фактам.

Во-первых, в числе базовых установок авторы используют положение «как о равнозначности всех ценностей, так и об их относительности» [Хайдеггер: 63-176], которое оказывается следствием распада ценностной иерархии. Во-вторых, жизнь всякого человека, а также окружающего его мира сводится для Д. Норта, Д. Уоллиса и Б. Вайнгаста исключительно к сети пересекающихся частных интересов, вследствие чего социальная сфера в целом предстает как набор случайных фактов. Наконец, в-третьих, выстраивая свою концепцию, авторы склонны рассматривать действия человеческой массы скорее с позиции стад-

ного чувства, нежели индивидуального сознания, о чем свидетельствует ряд положений.

В частности, по мысли Д. Норта, Д. Уоллиса и Б. Вайнгаста, «люди более склонны подчиняться правилам, даже при значительных издержках для себя, если они считают, что другие люди будут также соблюдать правила. Это особенно верно в отношении правил применения насилия. У индивида есть стимул сначала стрелять, а потом разговаривать, когда он боится, что другие не станут соблюдать правила и воздерживаться от применения насилия» [Норт и др.: 61]. Отталкиваясь от данного положения, авторы делают весьма существенную для нас оговорку. Для того чтобы «формальное правило – институт – сдерживало насилие, особенно насилие среди индивидов, не знающих друг друга лично, должна существовать определенная организация, в рамках которой ряд официальных лиц обеспечивает соблюдение правил безличным образом. Иными словами, формальные институты контролируют насилие только при существовании организации, способной обеспечить безличное соблюдение правил» [Норт и др.: 61].

Собственно безличность характеризуется группой исследователей как «одинаковое отношение ко всем». Более того, поскольку подлинное «равенство невозможно без безличности», именно безличность оказывается в центре работы, задающей «концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества» [Норт и др.: 61]. Раскрывая смысл этой базовой для обществ открытого типа категории, авторы уточняют, что «безличность вырастает из структуры организаций и способности общества поддерживать безличные организационные формы (т.е. организации со своей собственной идентичностью, независимой от индивидуальных идентичностей членов организации). И, далее: «в правовых терминах безличные организации могут быть охарактеризованы в западной традиции как постоянно существующие организации – организации, существование которых не зависит от жизни их членов» [Норт и др.: 71].

Несмотря на то, что достигаемый таким образом социальный порядок, казалось бы, снимает с повестки дня характерный для российской действительности правовой нигилизм, необходимо отдавать себе отчет в том, что безличность как базовый принцип, обеспечивающий поддержание искомого порядка, в действительности оказывается побочным продуктом другой, более важной для обществ открытого типа цели. Как свидетельствует коллектив авторов, «безличность фундаментально изменяет природу конкуренции. Безличные рынки и безличный обмен – это не просто теоретический идеал экономической науки; они являются особенностью обществ открытого доступа» [Норт и др.: 71].

Вопреки тому, что «индивиды и организации в обществе открытого доступа стремятся к получению рент так же энергично, как они делают это в естественном государстве, безличная экономическая и политическая конкуренция приводит к эрозии рент», которая обретает статус «созидательного разрушения» [Норт и др.: 71]. В ситуации, когда сами инновации являются источником ренты, «важной формой экономической конкуренции оказывается развитие новых товаров и услуг, а не снижение цен и повышение качества» [Норт и др.: 71].

Столь пространное цитирование работы, в которой авторы исследуют природу социального насилия и социального порядка, видится необходимым по ряду причин. Прежде всего, декларируемое Д. Нормом, Д. Уоллисом и Б. Вайнгастом господство социальных взаимоотношений, организованных посредством иницируемого безличностью равноправия, «включая верховенство права, защиту права собственности, справедливость и равенство – все аспекты равноправия» [Норт и др.: 54] призвано создать благоприятные условия для рационализованного индивида с ярко выраженной достижительной, прагматической и гедонистической ориентацией. Имеются в виду противостоящие духовным ценностям ценности эмпирических форм морали [Норт и др.: 19].

Далее, предлагаемая зарубежными авторами социальная концепция, обусловливаемая сугубо внешними факторами, призванными сдерживать правовой нигилизм и, как следствие, правовую девиацию отдельных граждан, в действительности являет собой аналог той безличной программы, по которой живут пчелы или муравьи. В обоих случаях как природа, так и социум действуют одинаково безлично, но при этом целесообразно. Однако если для природы отмеченная «правовая система» оказывается вполне естественной, т.е. органичной для всех населяющих эту природу существ, что, по сути, и обеспечивает их поддерживаемое соблюдением принципа «мерной напряженности» [Кайдаков: 20] равенство, то правовая система государства изначально ориентировалась на «исторически сложившуюся систему нравственности», которая, в свою очередь, поддерживалась «религиозными представлениями» [Нижников; Лагунов: 95]. Неслучайно именно нравственность и религия рассматривались В.В. Зеньковским в качестве самых действенных социальных регуляторов [Зеньковский: 16].

Трансценденция и симуляция

В данном контексте нельзя не согласиться с позицией А.В. Семушкина. В работе «Вызов Трансценденции» ученый пишет о существенной разнице, которая отличает современное общество от общества, ориентированного на традицию. Если для общества современного типа трансценденция предстает отмеченной маргинальностью либо дополнительностью, попадая в разряд одной из разновидностей духовных практик, то для общества, где традиция занимает первостепенное значение, характерно особое отношение к трансценденции. Вполне вероятно, что включенность в жизнь каждого члена традиционного общества такого особого отношения к трансценденции не гарантировала непреложность того факта, что все они, как один, непременно трансцендировали. Тем не менее, «общество, где человек с самого рождения и до самой смерти находится в окружении символов, отсылающих его к трансценденции, в большей степени предполагает возможность пойти дальше ритуального повторения определенного набора действий и начать трансцендирование, нежели общество “современного типа”...» [Сёмушкин: 97].

Думается, что ситуация, в рамках которой происходит все большее отпадение от Трансценденции, коррелирует с исследуемым Ж. Бодрийяром знаковым об-

меном, который приводит к неизбежной смерти личности [Бодрийяр]. Имеется в виду обстоятельство, когда секуляризация отсылающих к трансценденции символов оборачивается сакрализацией самих этих символов, что в принципе созвучно процессу обезличивания, который становится единственным гарантом социального порядка. Подтверждение тому – следующий пассаж. Признавая результативность проделанного Грейфом анализа, посредством которого выяснилось, что «институты, поведение и убеждения составляют три стороны самостоятельно устанавливающегося равновесия» [Норт и др.: 80], Д. Норт, Д. Уоллис и Б. Вайнгаст признаются в том, что, по их мнению, не только «институты создают поведение». Не менее значимую роль здесь играют и организации, поскольку и те, и другие призваны определять внешние характеристики граждан безличным образом, т.е. на уровне такого «набора асоциальных характеристик, который применим к любому, кто удовлетворяет определенным объективным критериям» [Норт и др.: 86].

Развивая далее свою мысль, авторы подчеркивают: «до тех пор, пока социальные аспекты личности остаются уникальными среди индивидов, безличные отношения невозможны» [Норт и др.: 89]. Напротив, «как только социальная идентичность личностей стандартизируется, безличность возрастает» [Норт и др.: 86]. Вне всяких сомнений, подобное положение дел оправдывает то обстоятельство, что любое осуществляемое со стороны стандартизированного индивида социальное действие, выступает в качестве «стерильного», исключающего так называемый «человеческий остаток».

Выводы. Думается, что гипотетически установка на создание обезличенной, бессрочно существующей организации, идентичность которой не зависит от идентичности ее членов, призванной радикально изменить саму возможность отношений между индивидами [Норт и др.: 430-431], развивающихся в погоне за прибылью, может рассматриваться одним из вариантов иницилируемого цифровизацией виртуального будущего. То обстоятельство, что уже сегодня симулятивность коммуникативного пространства становится одной из характерных примет общества, является, на наш взгляд, свидетельством личностной деградации входящего в это пространство большинства.

Источники

- Арнольд И.В. (1999). Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сборник статей / Науч. редактор П.Е. Бухаркин. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та.
- Бодрийяр Ж. (2000). Символический обмен и смерть. М.: Добросвет.
- Виндельбанд В. (1995). О Сократе // Лики культуры: Альманах. М: Юрист. С. 121-142.
- Зеньковский В.В. (1991). История русской философии / Сост. А.В. Поляков; худ. Г.В. Смирнов. В двух томах в четырех книгах. Л.: Изд-во «Эго».
- Каган М.С. (1988). Мир общения. Проблема межсубъектных отношений. М.: Политиздат.
- Кайдаков С.В. (2002). Человек в зеркале античной философии. Москва.
- Махлин В.Л. (1990). Михаил Бахтин: Философия поступка. М.: Знание.
- Нижинов С.А., Лагунов А.А. (2014). Фил и Соф: диалоги о вечном и преходящем. О метафизике и морали: антикантианские рассуждения // Пространство и время. Междисциплинарный научно-аналитический и образовательный журнал. № 3 (17). С. 94-107.

- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. (2011). Насилие и социальные порядки: концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества М.: Изд-во института Гайдара.
- Пешков А.В. (1998). Риторика поступка. М.: Лабиринт.
- Саенко Н.Р., Щеглов И.В. (2012). Процедуры «вживления» экрана в бытие современного человека // Каспийский регион: политика, экономика, культура. № 4 (33). С. 275-282.
- Сёмушкин А.В. (2013). Вызов Трансценденции // Метафизика. № 2 (8). С. 96-98.
- Хайдеггер М. (1993). Европейский нигилизм // Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика. С. 63-176.
- Харсеева Н.В. (2014). Духовно-нравственные основы российского предпринимательства: социально-философский анализ: дисс. д-ра филос. н. – спец. 09.00.11. Краснодар.
- Шаховский В.И., Волкова П.С. (2020). Язык как система: значение и смысл // Филологические науки в МГИМО. № 23(3). С. 48-62.
- Chalmers D.J. (2022). Reality+: Virtual Worlds and the Problems of Philosophy. W.W. Norton & Company.
- Noth D., Wallis J., Weindast B. (2009). Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. Cambridge University Press.
- Volkova P., Luginina A., Saenko N., Samusenkov V. (2020a) Virtual reality: Pro et contra. Journal of Social Studies Education Research. No. 11(4). P. 190-203.
- Volkova P.S., Orekhova E.S., Saenko N.R., Trofimova L.V., & Barova A.G. (2020b). Features of the Modern Process of Differentiation of Sense and Meaning in Communication. Media Watch. No. 11 (4). P. 679-689.

■ ■ ■ Simulations of Communicative in Screen Culture

Grigoryev S.L.

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia.

Abstract. The article raises the problem of transformation of the nature of the communicative in the context of virtualization and digitalization of all spheres of culture. The study is constructed in the form of a commented dialogue with the authors of “Violence and Social Orders. Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History” by D. North, D. Wallis, and B. Weingast¹. The review represents the comparison of the types of communication in traditional society, open society and on-screen culture (in a situation of virtual expansion. Contradiction (speech against speech) is considered as a transitional stage from struggle and conflict to screen simulation of communication. The author considers virtualization of the communicative from a critical point of view and therefore draws conclusions regarding personal degradation of a modern communicant – an aborigine of the digital jungle. Such an experience excludes the possibility of a harmonizing dialogue as a process of reconciling contradictions for one simple reason. If speech property turns out to belong exclusively to the individual, then the total impersonality proclaimed by D. North, D. Wallis, and B. Weingast can only be supported by violence implemented through commands. Thus, communicative interaction inevitably degenerates into a communicative impact, which is initially built on the inequality of partners.

¹ Noth D., Wallis J., Weindast B. (2009) Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History is issued in Russian in 2011 by Publishing House of the Institute Gaidar (Gaidar Institute for Economic Policy).

Keywords: communication, simulation, virtualization, screen culture

For citation: Grigoryev S.L. (2022). Simulations of Communicative in Screen Culture. *Communicology (Russia)*. Vol. 10. No. 1. P. 120-128. DOI: 10.21453/2311-3065-2022-10-1-120-128.

Inf. about the author: Grigoryev Sergey Leonidovich – CandSc (Philos.), Associate Professor of the Department of Philosophy, Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy. Address: 127550, Russia, Moscow, Timiryazevskaya st., 49. E-mail: grigoryevdiss@gmail.com.

Received: 11.02.2022. *Accepted:* 10.03.2022.

References

- Arnold I.V. (1999). Semantics. Stylistics. Intertextuality: Collection of articles, ed. P.E. Bukharkin. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University (In Rus.).
- Baudrillard J. (2000). Symbolic exchange and death (transl.). M.: (In Rus.).
- Heidegger M. (1993). European nihilism. Time and being (transl.). M.: Republic. P. 63-176 (In Rus.).
- Kagan M.S. (1988). The world of communication. The problem of intersubjective relations. Moscow: Politizdat (In Rus.).
- Kaydakov S.V. (2002). Man in the mirror of ancient philosophy. Moscow (In Rus.).
- Kharseeva N.V. (2014). Spiritual and moral foundations of Russian entrepreneurship: socio-philosophical analysis: Authors thesis. Krasnodar (In Rus.).
- Makhlin V.L. (1990). Mikhail Bakhtin: The Philosophy of Act. M.: Znanie (In Rus.).
- Nizhnikov S.A., Lagunov A.A. (2014). Phil and Soph: dialogues about the eternal and the transient. On Metaphysics and Morality: Anti-Kantian Reasoning. *Space and Time. Interdisciplinary scientific, analytical and educational journal*. No. 3 (17). P. 94-107 (In Rus.).
- North D., Wallis D., Weingast B. (2011). Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting the Written History of Mankind. Moscow: Gaidar Institute Publishing House (In Rus.).
- Notrh D., Wallis J., Weindast B. (2009). Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. Cambridge University Press.
- Peshkov A.V. (1998). The rhetoric of action. M.: Labyrinth (In Rus.).
- Saenko N.R., Shcheglov I.V. (2012). Procedures for "implanting" the screen into the life of a modern person. *Caspian region: politics, economics, culture*. No. 4 (33). P. 275-282 (In Rus.).
- Semushkin A.V. (2013). Challenge of Transcendence. *Metaphysics*. No. 2 (8). P. 96-98 (In Rus.).
- Shakhovskiy V.I., Volkova P.S. (2020). Language as a system: meaning and meaning. *MGIMO – University Philological Sciences*. No. 23 (3). P. 48-62 (In Rus.).
- Volkova P., Luginina A., Saenko N., Samusenkov V. (2020a) Virtual reality: Pro et contra. *Journal of Social Studies Education Research*. No. 11(4). P. 190-203.
- Volkova P.S., Orekhova E.S., Saenko N.R., Trofimova L.V., & Barova A.G. (2020b). Features of the Modern Process of Differentiation of Sense and Meaning in Communication. *Media Watch*. No. 11 (4). P. 679-689.
- Windelband W. (1995). About Socrates (transl.). In: S.J. Levit (ed.) and M.I. Levina (transl.) Faces of Culture: Almanac. Moscow: Lawyer. P. 121-142 (In Rus.).
- Zenkovsky V.V. (1991). History of Russian philosophy. In two volumes. Leningrad: Ego.